

*Посвящаю Хосе,
и да благословит дявол нашу свадьбу*

1

Когда я перешагнула порог, дом словно обрушился на меня. Под его грязными кирпичными сводами такое ощущение внезапно возникает у каждого: он будто набрасывается на любого вошедшего и выкручивает ему внутренности, пока у того не перехватит дыхание. Моя мать твердила, что в этом доме у людей выпадают зубы и усыхают кишки, но она давно отсюда уехала, и я ее не помню. Я знаю, что она так говорила, потому что мне рассказала бабушка, но могла бы и не рассказывать: мне это и без нее известно. Здесь выпадают зубы и волосы, портится плоть, стоит зазеваться — и вот ты уже еле ноги волочишь, прилег на минутку в постель — и никогда тебе больше не встать.

Лайла Мартинес

Я пристроила рюкзак на сундук и распахнула дверь в столовую. Бабушки там не оказалось. Не было ее ни под кухонным столом, ни в кладовке. Тогда я решила попытаться счастья на втором этаже. Выдвинула ящики комода и открыла шкаф, но и там ее не нашла. Вот же старая перечница! И тут я заметила носки туфель, торчащие из-под кровати. В ином случае я не решилась бы поднять край покрывала, ведь тех, кто обитает под кроватью, лучше не беспокоить, однако бабушкины туфли не узнать невозможно. Лакированная кожа сверкает так, что можно любоваться своим отражением хоть из дальнего угла комнаты. Приподняв матрас, я увидела старуху, она лежала и пялилась снизу на пружины кровати. Однажды соседка, увидев, как бабушка с утра пораньше вылезает из сундука, сообщила репортерам, что та тронулась умом. Впрочем, что может знать эта проклятая сплетница, у которой волосы маслянистее, чем фритюрница в придорожной забегаловке? У бабушки отнюдь не слабоумие.

Я выволокла ее из-под кровати, усадила на покрывало и встряхнула за плечи. Ино-

Древо́точец

гда это срabатывает, иногда нет, на сей раз не получилось. Когда это не помогает, лучше выждать, пока само пройдет. Я потащила ее в коридор, затолкала в чулан и заперла. В этом доме все двери открываются наружу — такова семейная традиция, вроде всякой рождественской херни. У нас много традиций, например запира́ть друг друга в комнатах, но зато мы никогда не едим баранину, ведь ягнята ничего плохого нам не сделали, поэтому употреблять их мясо нам кажется неприличным.

Я спустилась за рюкзаком и вернулась на второй этаж. Там только одна комната, где спим мы с бабушкой. Я положила рюкзак на ту кровать, что поменьше. Прежде она служила моей матери, а еще раньше — бабушке. Увы, в этом доме не наследуют ни денег, ни золотых колец, ни простыней с вышитыми вензелями их первого владельца; покойники тут оставляют после себя лишь кровати да обиды. Дурная кровь да место, где можно прилечь ночью, — вот и все, что здесь получают в наследство. Мне даже волос как у бабушки не досталось: у нее, в ее-то возрасте,

Лайла Мартинес

волосы все еще густые, каждый крепкий, как бечевка, любо-дорого посмотреть, когда она их распускает. А вот у меня всего три чохлые волосины, липнут к черепу уже часа через два после мытья.

Зато кровать мне нравится: в изголовье на скотч приклеены изображения ангелов-хранителей. Время от времени кусочки старого хрупкого скотча отваливаются, но я сразу же откусываю новые и клею куда надо. Больше всего мне по душе ангел, следящий за двумя детьми, которые вот-вот свалятся в ущелье. Те играют на скале, глупо ухмыляясь, словно они у себя во дворе, а не на краю обрыва. Уже не маленькие, а резвятся, как идиоты. Нередко по утрам, едва проснувшись, я проверяю, не свалились ли дети в пропасть. На других открытках карапуз собирается поджечь дом; близнецы пытаются засунуть пальцы в розетку; девочка вот-вот отхватит себе полпальца кухонным ножом. У всех круглые розовые щечки, все ухмыляются, как психически ненормальные. Бабушка прилепила эти изображения еще в молодости, как только появилась на свет моя мать, чтобы анге-

Древоочец

лы оберегали ребенка. Каждый вечер перед сном они вставали на колени у кровати, сложив ладони, и читали молитву: «У моей кровати четыре уголка и четыре хранителя-ангелка». Но однажды бабушка узрела настоящих ангелов и поняла, что художник никогда в жизни их не видал, потому что у них нет ни белокурых кудрей, ни таких красивых лиц. Они больше похожи на гигантских насекомых вроде богомолов. И тогда бабушка перестала молиться: ну кому нужны у дочурки на кровати четыре богомола с сотнями глаз и клешнями? Теперь-то мы молимся им, опасаясь, что они поселятся на крыше и станут совать усищи и длиннющие лапы в дымоход. Иногда слышим шум наверху, поднимаемся взглянуть и видим: их глаза глядят на нас сквозь щели в черепице. И тогда мы читаем молитву, чтобы отпугнуть их.

Я достала из рюкзака одежду и разложила на кровати. Четыре футболки, пара легинсов, пять пар трусов, пять пар носков и то, в чем я представала перед судьей: черные брюки и рубашка в цветочек. Эта рубашка и штаны те же самые, что я надевала для со-

Лайла Мартинес

беседований, когда искала работу, стремясь казаться невинной и порядочной, а также заявить о полной готовности подвергнуться жестокой эксплуатации. Судье я все же показала невинной, а вот с нанимателями номер не прошел. Думаю, они заметили злость на моем лице, потому что улыбалась я сквозь стиснутые зубы. Увы, единственной работой, которую мне удалось получить, стало место няньки в семье Харабо: им по фигу мои рубашки и дурная кровь, ведь женщины моей семьи прислуживали им всегда. Да и я обречена продолжать в том же духе, и неважно, как я одеваюсь и как сильно их ненавижу.

Та рубашка уже отжила свое, совсем полиняла, но это уже не имеет значения, ведь у меня больше не будет собеседований, и никто не возьмет меня на работу после того, что стряслось. Мне не придется больше стискивать зубы, чтобы сдерживать желчь, хоть бабка и ворчит, мол, я обязана научиться хоть что-то делать. Гундит, потому что не хочет, чтобы я целыми днями сидела дома, и она права, ведь если я долго бездельничаю, то начинаю нервничать и злиться. Я бы с радостью вы-

Древоочец

гуливала собак, но платить мне за это никто не станет, здесь собак запирают во дворах и в лучшем случае иногда бросают им кусок черствого хлеба.

Ну ладно, продолжу свой рассказ. Я достала одежду из рюкзака, сняла футболку и надела чистую. Хотелось бы сказать — красивую, но это ложь, а я хочу поведать вам о случившемся правдиво. Итак, обе футболки были измяты и изношены, но от второй хотя бы не несло затхлостью: в наших говенных автобусах в обивку въелась застарелая вонь, как в раздевалке спортзала. Я сложила одежду в нижний ящик комода, зная, что поступаю глупо: завтра ее придется искать в кухонном шкафу, на полках в кладовке или в сундуке в прихожей. Всегда одно и то же: в этом доме нельзя доверять ничему, но прежде всего — шкафам и стенам. Комодам чуть больше, но и им нельзя.

Я услышала сухой стук и догадалась, что бабка бьется лбом в дверь. Видимо, вот-вот придет в себя, и лучше разбудить ее до того, как она приблизится к окну кладовки, из которого не раз выпадала или выбрасывалась.

Лайла Мартинес

Что не имеет большого значения, ибо, если так будет продолжаться, она либо покалечится, либо обезумеет. Я вернулась в комнату и открыла дверь. На этот раз принялась трясти ее сильнее обычного, пока она не повернулась ко мне и не пробормотала: «Ой, дочка, я и не слышала, как ты вошла». А я ответила, что приехала полчаса назад, но ее все это время не было. «Святые забирают тебя, когда им заблагорассудится», — ответила она, вышла из комнаты и спустилась по лестнице. Ступени заскрипели, будто вот-вот треснут, хоть бабка и пятидесяти килограммов не весит. На нее смотришь: одна кожа да кости, пустая оболочка, без плоти. А когда я спускалась, ступеньки не издали ни звука. Так что лестнице тоже нельзя доверять.

Бабушка суетилась на кухне, семена из угла в угол. Было почти два часа пополудни, но есть мне не хотелось; у меня в те времена никогда не было аппетита, единственное, что я ощущала в кишках, — это отвращение, как у больной собаки. Бабушка поставила на стол две миски и пододвинула ко мне кастрюлю. Излишне было спрашивать, что в ней, потому

Древо́точец

что мы в этом доме всегда едим одно и то же. Я привыкла к такой пище, ибо ем ее, сколько себя помню, но посторонним она кажется странной, поэтому расскажу поподробнее. Старуха ставит кастрюлю с водой на огонь и бросает туда что придется, что найдется в огороде и в близлежащих горах, а иногда сыплет горсть нута или фасоли, которую покупает у торговцев, приезжающих на грузовиках. Вариво кипит часами, а потом она каждый день его немного разогревает, добавляя еще что-нибудь, подходящее по ее мнению. И пока мы едим, она подливает в горшок воду и кладет какие-то добавки, а когда суп скиснет, моет кастрюлю и начинает все сначала. Моя мать терпеть не могла это вариво, но какая разница, если она, как я уже сказала, давно покинула дом. Мне вот оно тоже не нравится, однако я молчу, потому что у меня нет ни сил, ни желания готовить что-то другое.

Я привычно бросила несколько кусочков хлеба в суп и подождала, пока они достаточно размокнут. Бабушка достала бутылку вина и наполнила три стакана: один мне, второй себе, а третий — для святой, пояснив, что та